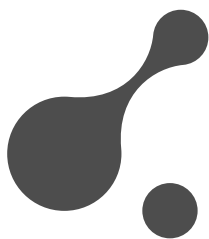

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВРАГИ

Африка.

Раскисшее время.

С апреля по октябрь воздух разжижается. Над горами нависают, словно черно-синие планеты, дождевые тучи и влекутся в сторону саванны, оживленные таинственными вспышками. Духи ветра несутся по желтому постатомарному небу предвестниками близкого Потопа. Набрякшие планеты грузно надвигаются, заглатывают взгляды и горизонты, вбирают в себя день, сплавляясь в черноту, единую и всеобъемлющую.

Грозный рык раскатывается по тучам. Он несется с востока на запад, словно титанические существа передают друг другу приказания с той стороны, может, от самого Нхиалика, бога-создателя, на сей раз в образе Денга. Единый сигнал к началу промывания мира, но первый выплеск мало что дает. Спекшаяся до трещин земля, кажется, неспособна проглотить эти капли. Они — толстые, дрожащие — катаются в пыли, внезапно лопаются, оставляя на глинистой корке пятна, бледнеющие на глазах. Жалкая дрожь на фоне импозантной грозовой кулисы, и этот краткий ливень обрывается внезапно, как и начался.

Замирает малейший звук. И возникает тишина, как перед полным погашением.

Обрушивается океан.

Грунтовые дороги за минуты превращаются в расщелины, будто земля полопалась и выворачивается наизнанку. Тонны вязкой красной глины вспучиваются, пузырятся под градом. По лугам и загонам для скота разливаются озера, безбрежные, бурлящие фонтанчиками взрывов. То, что было твердым ландшафтом, становится островом. В этой стихии ярится Маскардит, Великий Черный, несущий плодородие и смерть — никогда не бывает одно без другого. Неистово живой, поток стремится и прорывается сквозь дебри и сухостой, увлекая за собой

обломки и обрывки. Являя собой распад, старый мир смывается прочь, все привычные структуры разрушаются, всякая уверенность стирается с лица земли — до момента спонтанного нового порядка.

Иногда льет, не переставая, несколько дней подряд.

Потом внезапно образуется разрыв в капающем вареже туч, как теперь, и проступает безупречная синева неба. Синева такой интенсивности и глубины, что мужчины посреди потока грязи невольно вбирают головы в плечи и крепче сжимают в руках винтовки Heckler & Koch, словно боясь, что синева их всосет в свои зияющие потусторонние пространства. В царство Нхиалика.

Нхиалик отверг людей после того, как первородная богиня Абук отделила небо от земли и уполномочила низшие божества управлять участью народа динка — можно даже сказать, она подорвала власть верховного бога, обокрав его, чтобы дать людям больше, чем им полагалось. Тем самым она его осрамила, и Нхиалик, обиженный, устранился, но в образе бога радуги Денга все еще показывается, всем на благо и на погибель. История, в которую можно и поверить.

Майор Джошуа Агок придерживается англиканской веры и поклоняется Иисусу, что в западноевропейском и американском понимании означает острую безработицу для языческих богов, однако народу динка чужд этот христианский монотеизм «или-или». Миссионеры, которые больше полутора веков гибли на Белом Ниле от эпидемий, позднее католические служители из Вероны и британские англиканцы, а под конец и посланники американской Пресвитерианской церкви — все они так и не усвоили, что можно верить в Иисуса и без затруднения встроить его в семейный портрет низких божеств и почитаемых предков. А старые-то были всегда. Пусть они поглядывали на новоявленного кто недоверчиво, кто дружелюбно, а кто просто не препятствовал ему действовать, но не уходило же из-за

него совсем? Разве старая корова исчезает, когда прикупаешь себе новую?

Агок оторвал взгляд от синего купола. «Мы запутались в мифах, — думал он. — А почему? Потому что больше не можем верить самим себе. Но верить во что-то надо. В Библии написано много хорошего, и кто бы возражал, что природа оживотворяется духами, души умерших действуют в ней так, что действительно все сотворенное является материальным выражением мира духов, которые таким образом подстраиваются под наше измерение. Только разум нам дается, чтобы мы его использовали для окончания этой пагубной гражданской войны. Иначе все было бы напрасно. Сколько мы страдали, сколько страданий причинили другим, чтобы воплотить наши представления о свободе! Именно эти представления теперь и есть проблема».

Агок оглянулся. Создания из глины, блестящие глаза на чумазых лицах. Как будто сама земля поднялась. Легенда о Големе — вот что он поневоле вспоминает, когда озирает свое маленькое войско. Сто двадцать големов, вооруженных до зубов. Исчезающе мало по сравнению с ополчением Олони, которое контролирует местность, однако это лучшие, каких можно было найти. Народ, в руки которого дали оружие, чтобы сражаться за независимость, не станет действующей армией только оттого, что их очертили кругом и назвали все это государством. Но эти ребята действительно молодцы. Агок сам их отбирал, каждого. С сосредоточенными лицами они засели в зарослях, в тени тамариндов и акаций. Пока солнце выдает свое раскаленное интермеццо, листва обеспечивает им защиту, но от дождя она не может их укрыть. Во время извержения туч не имеет значения, где ты находишься. Сырость настигает тебя со всех сторон, соответственно, они промокли до костей, и красная глина делает все, чтобы придать им вид орды духов земли, затаившихся в засаде. «Короткая передышка, — думает Агок. — Незапланированная, но желанная». А после они выйдут из леса и двинутся

в наступление на позиции Олони. Момент, которого с нетерпением ждали с тех пор, как вертолет высадил их два дня назад здесь, на чужбине.

Пешком они пробрались сюда по заросшему кустами лесу. В стороне от глинистых дорог, так и так непроходимых в это время года. Высоко наверху, в пограничной области на севере дождь изолировал людей полностью. Селения и отдельные дворы в ближайшие месяцы будут недостижимы. Во всем-то государстве едва наберется пятьдесят километров асфальтированных дорог, которые служат главным образом тому, чтобы придать далекой столице хоть чуточку городского вида. Когда шесть лет назад они праздновали там независимость, шумная окруженная хижинами торговая площадь с беспорядочно разбросанными кубиками строений вдруг стала горячей точкой. Родился город, и каждому хотелось сыграть роль повитухи. В отеле «Сахара Резорт», единственном презентабельном адресе на площади, теснились дипломаты, нефтяные магнаты, торговцы оружием, голубые каски, неправительственные организации и проповедники, в багаже которых были чертежи больниц, университетов, аэропортов, нефтепроводов и миссионерских отделений. Как по мановению волшебной руки, жалкий состав автомобилей за одну ночь был дополнен выставочным образцом японского внедорожника со спутниковой антенной. Все казалось возможным. Одна только нефть намывала бы в государственную кассу миллиарды долларов, и сотни миллионов на развитие лежали наготове в европейских фондах помощи. Отрыв от диктатур мусульманского севера, которые так долго эксплуатировали черный африканский юг, не шевельнув даже пальцем для его жителей, был достигнут — после десятилетий кровавых разборок. Диктатор спешил безропотно подписать мирный договор и обещал лучшие отношения с новой соседней страной. Он проедал все кредиты так, что пыль поднималась столбом из уголков его рта, в конце концов, на него уже был выдан международный ордер на арест за преступления против

человечности, и тут полезно было изобразить из себя миротворца — для разнообразия. «Какой шанс нам открывался! — думает Агок. — И потом мы его провалили».

Он выглядывает из-за ствола акации, которая дает ему прикрытие. Перед ними простирается саванна. Скучный орнамент из кустарника и стоящих поодиночке деревьев перебивается круглыми хижинами, крытыми соломой, которые служили кочевым пастухам укрытием в дождливые месяцы. Еще в прошлый месяц здесь все выглядело как на Марсе, теперь же напитанная влагой почва покрывается ковром яркой зелени, верхушки деревьев на глазах обрастают листьями, бутоны взрываются великолепием красок — причудливое и шутовское подражание Творению. Накатывает запах свежего дождя. Над горами скапливаются новые громады туч, гоня перед собою птичьи стаи.

Агок наслаждается этим моментом, в котором воздух такой чистоты, какой никогда не бывает в засушливое время. Он проникает в легкие, почти причиняя боль. Агок смотрит, как из долины поднимаются первые клубы тумана, а лес вокруг окутывается паром. Полуденное солнце жжется из зенита, вызывая бурный танец молекул, отнимая почвенную воду, которой небо едва успело ее накачать. Жара испарения огромна. Скоро саванна будет выглядеть как утопленная, и тогда Агок и его люди станут фантомами. Дождь и пар их прикроет. Их единственный шанс на открытом пространстве.

Оно пока что отделяет их от назначения. Пять километров до города, который удерживают бойцы Олони, этой агломерации барачков и контейнеров на краю огромного комплекса нефтедобычи, приделанного к равнине, словно трансплантированного из другого мира. Река, которую им придется пересечь на пути туда, сделалась шире в несколько раз, поросший лесом берег закрывает от взгляда нефтяное поле на той стороне. Все, что Агок видит, — это разбредшиеся стада и одиночные дикие животные, которые в ожидании очередного ливня

направляются к группам деревьев: несколько антилоп, слоновья пара с потомством уютно устроились в тени баобаба и царапают своими бивнями его кору.

Из тех нескольких спутниковых снимков, которые им предоставил американец, они, к примеру, знают, как распределил своих людей военачальник. Как раз достаточно информации, чтобы обойти этих типов стороной. Открыто с ними воевать было бы чистым самоубийством, с таким же успехом они могли бы привязать здесь друг друга к деревьям и принять куда более милосердную смерть. Даже на вкус хладнокровных наемников Олони — черт, люди которого нападают на местность, насиловали женщин, мучают их и калечат, их детей бросают в горящие дома, а старших угоняют в военные лагеря. Там их учат презирать всё и каждого, заставляют есть человечину, насиловать, отрубать конечности. Кто не погибнет от всего этого, будет вознагражден ружьем и послан в бой. Тысячи детей с начала гражданской войны исчезли и снова появились в качестве несчастных убийц с обеих сторон.

«Мы должны положить этому конец, — думает Агок. — Как мы только могли так одичать?»

Звуки тамтама к колокольному звону, гудки автомобилей, всюду музыка. На улицах пускаются в пляс и выкрикивают имя первого свободно избранного президента, харизматика, хитрюги, обученного и цивилизованного. Ковбойскую шляпу, подаренную ему лично самим Джорджем Бушем — младшим, он носит как свой второй череп. Уличные фонари украшены новыми национальными флагами, фасадов не видно под плакатами правящей партии, которая только что была революционной армией. Пластиковые цветы окаймляют дорогу к аэропорту, куда ежечасно прибывают гости: представители Китая, Евросоюза, Америки, Африканского союза, Арабской лиги. О своем визите объявили тридцать глав государств, Пан Ги Мун выходит из своей машины и смеется в камеры. В центре площади с круговым движением высится

стела, выкрашенная в черный цвет и увенчанная световой надписью: «Нас сообща угнетали, теперь мы сообща свободны. Радостной независимости для всех!»

Никогда Агоку не забыть тот день. «Радостная независимость, — с горечью думает он. — Восстание! Такое чудесное, такое большое слово. Или собака, спущенная с цепи. В Африке кроется шифр для списания всех долгов. Один пинок — и открываются ворота в будущее, а нам удалось при проходе через них попасть в мрачное прошлое. В головах варится грехопадение. Речь идет об ущемленной гордости и краже скота, о пастбищных землях, о пешеходных тропах, обветшавших мифах. У Нхиалика было два сына, Динка и Нуер. Обоим он обещал по подарку. Динка должен был получить старую корову, а Нуер — теленка. В следующую ночь пошел Динка в хлев и потребовал теленка голосом Нуера, и тот ему без промедления был вручен. Когда Нхиалик увидел, что попался на удочку своему мастурбирующему отпрыску, его охватило божественное удивление. „Пусть Нуер, — распорядился он, — крадет у Динки скотину до скончания века, а из-за такого безобразия мы схватим друг друга за горло!“ Старый вопрос, кто первый начал. Никто, вот где собака зарыта. В нашем смутном воспоминании мы все были только жертвами».

Влепив Олони нагоняй, гражданскую войну не закончишь. Он мясник среди многих, однако успешное наступление проанализировало бы: может, мы и не выиграем, но и вы тоже нет. Итак, помириться же наконец!

Люди Агока — саботажники. Обученные военными стратегами США, которые им показали, как просочиться в систему и изнутри привести ее к обрушению. Взрывчаткой, отравлением колодцев, дезинформацией. Оружием только потом, когда уже будет неотвратимо, то есть когда они пустят в ход все, чтобы избежать прямой конфронтации. И конечно, они знают, что к этому все равно и придут и что их перспектива пережить бой отнюдь не радужная.

Но есть один шанс. В любом случае шанс нанести изрядный вред.

Агок терпеливо смотрит, как сгущаются тучи. Его люди теперь сплотились вокруг него — окрашенный красным организм, который синхронно дышит, дрожит и выжидает. При каждом движении лопаются маленькие корочки на их обмундировании там, где солнце подсушило грязь. Судя по всему, они сидят в грязи, действительно плавают в нефти. Весь юг плавает в нефти. Стоит на железной руде, на алмазах, на золоте и серебре. Почти чудо, что правительство юного государства вообще продержалось год, пока вице-президент, этот Нуер, не устроил путч. С тех пор половина армии воюет на стороне президента — а он динка, — а другая половина на противоположной стороне. Союзническая верность подвержена колебаниям, рядом с которыми местный прогноз погоды выглядит как железный завет Бога. Олони, например: до недавнего времени еще преданный правительству генерал вооруженных сил, однако преданность ежечасно поворачивается по-новому. Теперь он борется за предавшего вице. Но, может, лишь за себя самого.

«Мы все вышли из зарослей, — думает Агок, — не представляю, что нас отличает от нашего мучителя. Теперь, по крайней мере, мы знаем это. Ничего не отличает. Мы принесли человеческие жертвы за независимость, чтобы узнать, что у нас нет никаких общих ценностей. Потому что союзы формируются из племен, которые исторически пребывают в длительных расприях. Этот континент порождает революции с такой же неизбежностью, как солнце производит тень, как будто мы могли развить чувство самооценности только в вечной оппозиции, и никогда ничто не будет ощутимо лучше. Ну-ну. Разве что для тех, кто поставляет нам оружие. Сует деньги. Способствует смене власти за право бурения и лицензии. Революция и коррупция идут по кругу. Несколько поколений назад нас поработили, теперь мы поработаем сами себя и делаем друг другу еще хуже, чем нам делали чужие поработители. Никакой ливень не сможет

вымывать из земли те потоки крови, которую пролили туда в своей междоусобице Динка и Нуер. Но, может, сегодня мы выиграем небольшой бой, чтобы покончить с большим».

Он подал знак своим людям.

Пригнувшись, с ружьями на изготовку, они выступили из укрытия леса на равнину.

Над ними по краю гремучего водного фронта, в котором теперь виднелись вялые всполохи, катилось солнце. Его лучи въедались в угрожающую черноту, как будто имели силу разрушить ее. В последней демонстрации своей мощи оно подняло завесу испарений выше и сомкнуло ее над головами солдат. В туманном мареве неистово играл его свет, мерцание и блеск, а потом огромная туча заглотила его с банальной небрежностью, устранив из мира все краски.

Моментально похолодало. Дымка стала плотнее. Саванна превратилась в вырезанную ножницами кулису, диораму множества наложенных друг на друга слоев. Оттенки серого создали театральную глубину. Антилопы, бегущие по левому краю поля зрения под деревьями, белоухие кобы с характерным окрасом рогов, стали лишь эскизами, одними очертаниями, без наполнения. В дымной «прачечной» трудно оценить расстояния, но Агок знал эту местность. Недалеко отсюда он вырос — одна из причин, почему он командует отрядом. Дорожные приметы ему знакомы, прежде всего колоссальные баобабы, хлебные деревья обезьян. С широкими стволами и разлапистыми ветками, их можно принять за вылезших из земли спрутов, от окостенелых щупалец которых отрастают щупальца поменьше и отростки совсем мелкие. На некоторых недавно появились листья, от этого дерева стали больше походить на себя и меньше на чужеродного кракена, однако впечатление причудливости оставалось. Сам черт, гласит легенда, посадил баобаб, причем корнями вверх. Почему? Потому что черт так и делает.

Агок скривил рот. Единственно чертовским в баобабе было свойство его цветов источать интенсивную трупную вонь. Ее любят

летучие собаки, которые ночами слетаются сюда стаями для опыления.

Он проверил на своем ремне оснастку: нож, фляжка с водой, боеприпас. Поле солдат расходилось, об этом они договорились заранее. Каждый использовал ближайшее укрытие. Пробежать немного вперед и замереть в простреливаемой траве, за кустом, у подножия акации. Пригнувшись, сделать еще одну перебежку. Несмотря на тяжести, которые они несли с собой: взрывчатку и запал, гранаты, провиант, — они двигались с бесшумной элегантностью. Над ними громоздились и ворочались апокалиптические тучи, извивались в судорогах, провисали, вздрагивая от электрических вспышек.

Застучали по равнине первые капли. Стремительно упала видимость. Агок различил вдали силуэты слоновьего семейства, потом и они растворились в дымке. Мужчины быстро продвигались вперед. Еще несколько сотен метров — и начнется мягкий подъем, чтобы тут же снова опуститься к реке. На холме сплеталась густые высокие заросли. Агок не сомневался, что подразделения Олони залегли в кустах на другом берегу, но, несмотря на огромную численность, они не могли быть одновременно всюду. Останутся и неохраемые проходы. Пути для призраков, чтобы извернуться. Чтобы потом напасть на ополченцев сзади...

«Нет, — одернул он себя. — Пусть эта мысль и соблазнительная, мы будем действовать по плану, избегая прямого столкновения. Насколько возможно».

Дождь уплотнился, заштриховал парней справа и слева от Агока. Размазал ландшафт, людей, животных в монохромную акварель, в сливающиеся тени на сером теперь экране тумана. У подножия возвышенности обрисовался могучий баобаб, возрастом в тысячу лет, а то и больше. Титаническим жестом его корявые ветки обнимали облака, заполнявшие его чердак. Баобабы, эти живые резервуары, накапливают несметный запас воды на сухое время года. Потом приходят слоны, обламывают кору, пробивают

глубокие дупла в стволе, чтобы добраться до водоносных волокон. Их разрушительная работа превращает баобабы в норы для жилья и детенышей других животных; как и в каждом существе, здесь гнездятся паразиты, прорывают свои туннели и ходы в чужой ткани и медленно пожирают своего хозяина изнутри.

Разумеется, Агоку был знаком и этот баобаб, ствол которого у основания был метров тринадцать в обхвате. Он направлялся к нему, тогда как дождь все плотнее перекрывал видимость, а почва затягивалась вязким, чавкающим слоем. Что-то заставило его остановиться.

Поток уже приобрел характер водопада. Он шумел у него в ушах и в мозгу, перекрывая все прочие шумы, однако посреди этого гуда Агоку почудился — нет, ему не показалось — слабый крик. Скорее, начало крика, тотчас задушенного. Кричал человек. И кто-то — что-то — его задушило.

Он проморгался, вытер воду с глаз. Здесь водятся львы, но их нападения редки. И леопарды, и гиены бегают здесь, по саванне, охотятся на зебр, на буйволов и кобов, пытаются время от времени украсть молодняк из стада кочевников. Такие трагедии случаются, но в целом дикие звери все-таки держатся среди своих. Все остаются сыты — кроме людей, поскольку нескончаемые битвы не дают крестьянам посеять зерно. В одном из самых плодородных районов Африки голод приобрел исторические масштабы, но животные как-то выживают.

Где его люди?

Вот. По крайней мере несколько у него на глазах. Они то исчезают, то снова появляются. Один прошел прямо перед ним, расплываясь, как чернильное пятно, на фоне распростертой массы баобаба. И исчез. Просто так, с глухим чавканьем, как будто разорвалось что-то мягкое и сырое.

Агок развернулся, следуя древнему импульсу защититься от возможной угрозы сзади и оценить расстояние до возможного преследователя, а человек был уже прямо перед ним...

Что? Нападение?

Адреналин так и брызнул в его мускулы. Ствол мозга стремительно выдал ему череду решений, целый эволюционный каталог. Агок мог гордиться своими рефлексам. В любой знакомой ситуации он действовал бы целеустремленно, вот только не просматривалось здесь никакой цели — если вообще что-то требовало реакции. Или он стрессует из-за обмана органов чувств?

Что именно вызвало его тревогу? Совсем ничего. Крик? То был попугай ара. Мужчина перед ним? Тот упал. Сейчас вскочит и побежит дальше, согласно стратегии, которую Агок влил своим парням в мозги.

Он ждет.

Никто не вскочил.

Зато из тумана донесся новый крик, протяжный и едва терпимый. Выражение крайнего ужаса взвинтилось до пронзительного крика перед тем, как резко оборваться. В тот же момент интенсивность дождя ослабла, и Агок смог это услышать.

Он слышит это совсем отчетливо — другой шум.

В накатывающем страхе, мучительно стыдном для дистанцированной части его самого, он пускается бежать в сторону баобаба, поскальзывается и вытягивается во весь рост в грязи. Удар падения вышибает воздух из его легких. Он пытается подняться, но не на что опереться. На секунды у Агока возникает ужасное чувство, что разбухшая почва, словно голодное слепое существо, ползет по нему вверх, впивается липкими конечностями в его тело и затягивает его глубже в свое увлажненное дождем нутро. Потом ему удастся подняться на ноги, и он, спотыкаясь, бредет в сторону баобаба и лежащей позади него кромки леса. Догадки шепчут в его голове, спорят, какое место было бы для него сейчас безопаснее — непроходимые заросли на гребне, нет, лучше вырубленное слонами дупло в баобабе, хотя он окажется здесь в ловушке, но, судя по всему, здесь теперь все стало ловушкой, в то время как этот шум...

Это не просто какой-то шум. Это сумма многотысячного явления — что-то вроде порхания, только не как у птиц, — другие, чужеродные колебания, незнакомые проявления — набухая...

Он побежал быстрее.

То, что здесь приближалось, надвигалось сквозь марево тумана с силой сдвигающейся границы, коротко раскрывшейся — словно по воле неземного режиссера, который хочет, чтобы Агок успел заглянуть за нее, — чтобы тут же снова сомкнуться, потому что его рассудок едва ли в состоянии переработать увиденное и он, вероятно, сойдет от этого с ума. Крики его парней теперь доносятся со всех сторон. Агок слышит, что они умирают, снова теряет опору и в падении замечает, как валы тумана расходятся и становится видна лиственная крона баобаба. Наружное плетение пронизано коконами, искусными предметами невероятно тонкого плетения, в которое их конструктор включил и листья. Это ткачи-муравьи, которые сооружают свои гнезда в кустах и кронах деревьев. Каждый кокон содержит целый народ, собравшийся вокруг своей королевы. Иногда один народ нападает на другой, потом они пожирают своих соплеменников, и это показалось Агоку в полупадении символизацией его собственного истязавшего себя народа — с той разницей, что холодный интеллект муравьев знает победителей, а континент, на котором ему не повезло родиться, лишь неудачник.

Он удержался на ногах, учащенно дышит. Пошатываясь, идет к стволу, который с каждым его шагом будто отходит в сторону. Какая-то издевательская игра в прятки. Гниющая растительная слякоть выделяет опиаты удушающей сладости, запах падали баобаба окатывает его сверху. Он галлюцинирует, а может, просто свихнулся от страха. Природа и ее явления знакомы ему с детских дней, что же выбило его из колеи? Что еще это может означать, как не прорыв неведомого, лишнего всякой соотнесенности, и отсутствие всего того, что когда-либо могло отразиться в мире его опыта, так что осталось

лишь чувство полного бессилия? Наконец, его пальцы коснулись зазубренной коры, и он повернулся, поправил свою винтовку Heckler & Koch, двигая ее то туда, то сюда. По завихрениям тумана металась тень, безымянные предметы, которые меняли свои позиции быстрее, чем мог уловить глаз. Воздух вибрировал от выстрелов и криков. Он вслепую выстрелил в дождь, опустошил свой магазин, схватился за новый, выронил, упал на колени и, как безумный, шарил среди корней баобаба. Крохотные ножки и щупальца прошлись по его пальцам. Ощупали, деловито пробежались по нему. Во влажных углублениях кише-ло и шевелилось. На краю поля его зрения, казалось, двигается что-то большое. Когда он глянул туда, там не оказалось ничего, но в его представлении было все.

Гниение и жизнь — это единое. Почва дышит, бронированные войска следуют планам, которые можно разгадать: среди листьев, сорванных бурей, поблескивают тела жучков, поедающих падаль, самки богомола подстерегают добычу, неподвижно застыв. «Они останутся на том же месте, если мы истребим друг друга, — думает Агок. — И никакого времени не пройдет. Дождь смывает всякое время. Мое существование станет меньше, чем было одно мгновение».

Что-то ударило рядом с ним в ствол дерева. Он повернул голову. Смотрит на этот предмет, и тот, вероятно, смотрит на него в свою очередь. Если это глаза. Точно нельзя сказать. Никогда прежде он не видел ничего подобного.

Эти штуки повсюду.

Костяшки его пальцев напряглись. Он стиснул ружье, как будто оно было перилами, единственным оставшимся барьером между ним и пропастью, которая зияла перед ним. С упорством автоматического радиомаяка его рассудок посылал сигналы: сгруппируйся; прикрой голову локтями; попытайся проникнуть в дупло. Но он слишком растерян, чтобы отвести взгляд.

Поднимает руку, чтобы смахнуть с дерева эту штуку.

Она прыгает на него.

Агок вскрикивает, когда она вцепляется в его нос и моментально скользит по скулам. В панике он пытается стянуть это со своего лица. Оно растопырилось над его левой глазной впадиной, вырвало глазное яблоко и стало пробиваться в его череп. Обезумев от боли и ужаса, Агок зашатался, ноги его задрожали, он опрокинулся навзничь в гнилое дупло баобаба.

Последнее, что он осознал, была волна раскаленной муки, когда следующие штуки налипли на его тело и принялись пожирать его.